

Сергей Сухонос

УМОМ РОССИЮ НЕ ПОНЯТЬ?

«...Нет, судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем он желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то спасли его в веке мучений».

Ф.М. Достоевский

Введение

В России смутное время. Ни одна из партий не может выдвинуть взвешенной и конкретной программы выхода из кризиса, программы, которая бы сплотила всю нацию.

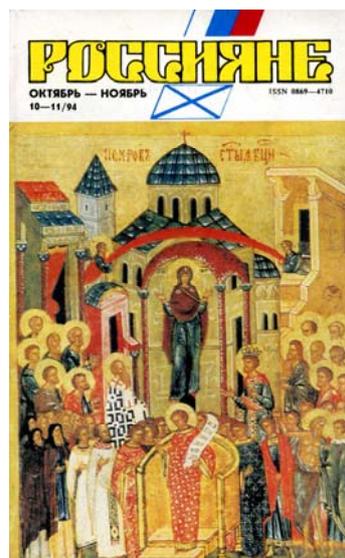
Кризис, в который попала страна после развала СССР, может быть разрешен, по нашему мнению, только через объединение нации вокруг общенациональной идеи. Традиционные экономические рецепты, выработанные Западом для слаборазвитых стран, не учитывают масштабного фактора — Россия не просто одна из стран мира — она центр славяно-православной культуры и до недавнего времени определяла чуть ли не половину мировой политики.

Если западные страны обходятся без национальной идеи, то не потому, что она им не нужна, а потому, что их национальные идеи уже давно воплотились в национальные свершения и вплелись в ткань повседневной жизни. Западно-европейская культура в целом скорее пенсионер в сравнении с русской, которая по степени развития ближе к юности. Россия еще слишком молодая, чтобы обойтись без мечты, без какой-то глобальной цели, и ей еще предстоит внести наиболее значительный вклад в развитие мировой культуры.

Кроме того, Россия занимает особое географическое положение, являясь мостом между Западом и Востоком.

Нам всем пришла пора разобраться, что же такое Россия: либо это лишь огромное пространство, которое заселено отсталым народом, безобразно относящимся не только к своим природным ресурсам, но и к себе самому, либо это особенная, имеющая высшее предназначение культура, все беды которой — болезни роста, а смысл ее особенностей необходимо искать в будущем.

В зависимости от ответов на эти вопросы перед Россией два пути. Либо признать свою экономическую и социальную несостоятельность, покаяться перед всем цивилизованным миром и вернуться на традиционную для западной цивилизации дорогу развития. При этом, безусловно, придется подчиниться более технически развитому капиталистическому сообществу, смириться с ролью сырьевого придатка мировой экономики и ограничиться положением третьестепенной страны. В

награду за это можно получить относительную сытость и благополучие. Либо необходимо стряхнуть оцепенение, переосмыслить всю историю, найдя новое объяснение и оправдание самым ее сложным и трагическим этапам, определить свой особенный путь и стремительно подняться по нему в сообществе наиболее развитых стран.

Примеры Японии, Южной Кореи и Китая показывают, что последнее — далеко не утопия. Попытки же свернуть Россию на чисто капиталистический путь, предпринятые как извне, так и изнутри, показали, что сколь бы талантливы ни были реформаторы, сколь бы условия ни благоприятствовали этому, результат всегда оказывался отрицательным. Наиболее ярким для нас провалом стали реформы Столыпина. Это был действительно гениальный человек, который сделал все возможное и невозможное для превращения России в буржуазную страну. Экономические результаты первых этапов реформ были поразительны, но капитализм в России не прижился. Наивно винить в этом случайное покушение — оно было более чем закономерным в желании всего общества (большей его части) отступить от реформ. Причина поражения его политики в том, что стратегическое направление для России было выбрано неверно, поэтому его не спасли безошибочные тактические решения. Столыпин, видимо, чувствовал особенность России, которая плохо вписывалась в стандартные буржуазные рамки, и поэтому в конце реформ пытался придать им национальный оттенок, пытаясь создать разновидность русского капитализма. Но к чему? Капитализм может быть только международным, он по сути своей интернационален. Русский путь необходимо было искать не в плоскости капитала, а подняться на следующий уровень масштабности. Экономические законы объективны, но они не исчерпывают всех закономерностей развития общества.

Именно восточные страны показывают пример, как можно, сохраняя феодально-общинные отношения на производстве или социалистическую идеологию, успешно развивать капиталистическую экономику. Они демонстрируют пример умелого вплетения национальных особенностей в ткань современного производства, демонстрируют умение национальные традиции делать движущей силой экономического прогресса. При этом можно, оказываясь, не перебарщивая в квасном патриотизме, прекрасно сохранять фундамент культурных традиций.

1. Национальные особенности — резонанс с развитием мирового производства

Чем же особенно ценен опыт России для развития производительных сил человечества в будущем? И возможно ли сейчас достаточно ясно увидеть то будущее, в котором наступит русский ренессанс и произойдет «русское экономическое чудо»?

Если сравнивать отношение к труду в русской и японской культурах, то обнаруживается почти зеркальная картина в самых глубинных основах. В России всегда был избыток ресурсов и в первую очередь наиважнейшего — пространства. Гигантские российские просторы невозможно было столь же тщательно обустроить, как Японские острова. Именно поэтому русским в наименьшей степени свойственна тяга к кропотливому монотонному труду. Очень точно эту черту русского трудового характера выявил в своей работе «Этнографические следствия русской колонизации Верхнего Поволжья» В.О. Ключевский, который из специфики сельскохозяйственного труда великоросса вывел такие его черты, как авральность, надежду на авось, замкнутость, осторожность и т.п. Он пишет, что «ни

один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, которое может развить великоросс, но и нигде в Европе, кажется, не найдем такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии».

Россия и Япония в этом отношении — два противоположных полюса. Западноевропейские народы, живя в тесном ограниченном пространстве, ближе по отношению к труду японцам, чем своим соседям — русским. Поэтому, пока главное материальное благополучие мировой цивилизации будет создаваться в основном за счет конвейерной технологии, русский рабочий будет трудиться менее эффективно, чем средний мировой рабочий, а Россия будет отставать от Запада в производительности и степени организованности — качестве труда.

Итак, перед Россией два выбора. Первый — переделать основу своего характера в отношении к труду на западный манер и попытаться постепенно догнать мировую экономику за счет бережливости, самоограничения и постоянных заемов (на что-то же надо будет обновлять экономику). Второй — не подвергать характер коренной ломке, разобраться в его сильных и слабых сторонах, выявить глобальные перспективы для сильных сторон и, сделав на них упор, стремительно достигнуть на нескольких направлениях существенного мирового приоритета, отсюда накопить средства для компенсации своих слабых черт.

Японцы за счет кропотливости и трудолюбия скупали изобретения, русским скорее всего предстоит обратное — за счет патентов обеспечить себе, плоды монотонного и кропотливого труда других стран.

Автор выбирает второе. Поэтому, не претендуя на полноту и глубину анализа, предлагаем посмотреть на русский менталитет через призму материального производства.

Рассмотрим основные факторы, формирующие русский характер. С нашей точки зрения, их два (хотя второй является продолжением первого).

Первый и главный фактор — географический: гигантские открытые равнинные и плохо заселенные пространства выработали в русском народе особенные черты:

1. Безграничность широты духа и всеохватность ума. Отсюда и анархизм, и глобальность синтетического мышления. Здесь же и слабость повседневной трудовой активности (поди-ка претвори помалу эти глобальные замыслы), которую многие исследователи русского характера напрасно принимают за обыкновенную лень, отсюда и глобализм свершений — пока все мелкие проблемы на сольются в целостную мировоззренческую Проблему, сила лишь копится, а накопив силы и осознав глобальное значение своей миссии, Русь начинает движение и не останавливается, пока не завершит начатое. Отсюда и особенность русских — мобилизоваться лишь на решение глобальных проблем, которую многие исследователи почитают безграничной долготерпимостью русского народа.

Это свойство всегда компенсировалось сильной центральной властью. Так возник русский парадокс: из безграничности порывов души и фантазий вырастает глубинный анархизм, а как реакция на него в противовес возникает другая крайность — безграничное послушание государственной власти, так называемая русская покорность (часто даже говорят — рабская). Поэтому если у немцев уважение к власти идет от уважения к порядку как внутреннему свойству немецкой природы, то у русских в крови страх перед властью, как подсознательная реакция на страх перед последствиями анархичности русской природы. Поэтому если немец власть уважает, то русский, внутренне ее отрицая, боится. Поэтому сильная власть на Руси — всегда власть грозная. Поэтому начатая М. Горбачевым мягкая демокра-

тическая политика провалилась и на смену ему пришел более жесткий (на словах) Б. Ельцин.

2. Уникальный универсализм. Русский труженик из-за больших расстояний между поселениями вынужден был учиться работать, надеясь только на свои силы, и решать весь спектр хозяйственных проблем в одиночку. Ну скажите, где еще в мире вы найдете столько людей, живущих по принципу Робинзона Крузо, то есть делающих почти все своими руками. Такой уникальный универсализм по своей сути — антипод узкой специализации, дробящей целостность труда на конвейерные операции для человека-робота.

3. Уникальная изобретательность и наблюдательность. Необходимость все делать самому выработала у русского человека чрезвычайную находчивость — «сметку» (понятие чисто русское). Вряд ли вы найдете еще такого труженика, которого постоянно плохое снабжение и низкий уровень кооперации научили обходиться в труде «чем попадая под руку». Отсюда хроническое недопонимание и пренебрежение товарностью вещей, их эстетическим дизайном. Работа по принципу — сделал, и ладно. Хотя для тех объектов, где эстетика функциональна, ею не пренебрегают. Например, для реактивных самолетов.

К изобретательности примыкает и повышенная природная наблюдательность русского человека, которая чрезвычайно роднит его с природой и является превосходной основой для воспитания из него естествоиспытателя. Вдобавок к этому непредсказуемость природных условий породила еще одну черту русского характера — склонность «дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский авось» (В.О. Ключевский, в той же работе). Для науки и техники такое свойство не что иное, как эвристичность, когда в тупиковых ситуациях вместо логики подключается интуиция, на худой конец — генератор случайных решений.

Итак: изобретательность + наблюдательность + синтетичность + эвристичность + всеохватность — да это просто бриллиант для науки и техники.

4. Привычка к авральному труду. Трудовой ритм, наиболее имманентный русскому характеру, далек от равномерного, он скорее рваный, авральный. Породил его в локальном масштабе характер земледельческих работ, в глобальном масштабе — огромность пространств, освоение которых проходило большими скачками, между которыми были длительные периоды затишья. Такой стиль работы крайне плохо вписывается в монотонный конвейерный труд, но при освоении всего нового этот минус превращается в большой плюс, так как творческий порыв всегда после долгой маеты сомнений, проб и ошибок (поверхностно воспринимаемый как бездействие) проявляет себя бурным выбросом энергии. Медленное накопление информации и решительный и неожиданный прорыв к озарению — вот на какой ритм хорошо накладывается традиционный русский ритм — на ритм творчества (!).

5. Привычка жить общинно, но трудиться в одиночку. Как ни парадоксально, но общинная жизнь русских крестьян не выработала в них привычки к коллективному труду (отчасти это, увы, удалось Сталину за счет использования жестоких методов организации колхозов и шарашек). Общинная социальная жизнь соседствовала с постоянным тяготением работать в одиночку, рассчитывая исключительно на свои силы. Корень парадокса — в истории заселения Великороссии. Таким образом индивидуализм в труде и привычка выравнивать доход по среднему уровню общинной жизни сочетаются парадоксальным образом в русской натуре. Надо отметить, что любое творчество — глубоко индивидуальный процесс, что еще раз показывает стратегический путь для русских,

6. Неуважение к частной собственности. Начало было положено во время колонизации среднерусских областей, при перемешивании с финскими племенами, не знающими «ни домов, ни оружия» (В.О. Ключевский). В дальнейшем быт преимущественно крестьянского населения Великороссии имел специфическую особенность. Постоянный клочок земли исходно не представлял для русского крестьянина первостепенной ценности в отличие от крестьянина европейского. Отсюда непривычка к собственности своей и неуважение собственности чужой. Это отношение было закреплено в традициях общинного землепользования и проявилось миру во всех своих гранях в советские времена. Какие беды отсутствие чувства хозяина несет нашей стране, мы все прекрасно знаем, но дальше мы покажем, как это отрицательное свойство может стать неожиданно преимуществом при определенных специфических условиях развития цивилизации.

Вторым важным фактором, формирующим русский характер, является сильная **военная государственная жизнь**. Специфическая военная история выработала дополнительные черты русского характера и усилила некоторые из ранее перечисленных: умение смиренно подчиняться жесткой административно-военной дисциплине, **нетребовательность**, способность обходиться **минимумом необходимого**, умение отдавать себя всего целиком жизненно важным интересам страны. Она усилила безразличие к материальным ценностям, так как дом и имущество часто подвергались разграблению волнами идущих набегов. Правда, как компенсацией за равнодушие к ценностям материальным природа наградила русских повышенным интересом к ценностям духовным.

Итак, подводя итог разделу, мы видим, что специфические русские национальные черты есть. Другие нации их не приобрели уже потому, что не обитали на столь обширной территории в таких именно специфических природных условиях. Нравится при этом кому-то русский характер или не нравится, он сам по себе ни плох, ни хорош, а такой, каким его сотворила История. Ясно одно — он плохо вписывается в современное западное технократическое общество. Ломать его и перестраивать на западный манер, безусловно, можно. Но даст ли это ожидаемый эффект и целесообразно ли — большой вопрос. Ведь не исключено, что для русских, как и для японцев, уже уготовлен в будущем подходящий период развития технической цивилизации, в котором все сегодняшние недостатки превратятся в преимущества. Если внешние условия технического прогресса окажутся в резонансном взаимодействии с внутренними глубинными национальными особенностями, то русская экономика может, подобно японской, из отсталой превратиться в передовую.

Возможно, что это наступит не скоро. Тогда возникают две задачи: стратегическая — достичь момента резонанса, сохранив все национальные черты, и тактическая — дожить до звездного часа вопреки этим национальным чертам, добившись хотя бы сносного процветания, вписать при этом национальные особенности в уже существующие условия технического производства с максимальной эффективностью.

2. Стратегическая цель России

Если согласиться с К.Э. Циолковским, что Земля — колыбель человечества, то можно предвидеть такой момент развития техники и производства, когда наиболее эффективные технологии будут реализовываться в космосе. Сначала — освоение орбитального Космоса: станции слежения, связь, заводы высоких технологий, новые энергоисточники. Затем ближний Космос: освоение рудных ресурсов ближайших планет, космические поселения на их поверхности. Потом дальний Космос:

освоение подпространственных перемещений, вступление в контакт с другими цивилизациями, посещение других звездных систем, объединение в сообщество космических цивилизаций.

Эта последовательность событий давно обыграна не только фантастами, но и футурологами. Но очевидно, что реально данный цикл событий начнет происходить лишь тогда, когда на орбите можно будет организовать выгодные производства. Следовательно, космические технологии станут определяющими уровень технической цивилизации человечества. А культура, наиболее приспособленная к их реализации, выдвинется в группу лидеров мирового производства так же, как на волне электроники выдвинулась Япония. Мы полагаем, что такой культурой будет славяно-православная с ее русским ядром. Проведем для подтверждения этого прогноза некоторые параллели.

Космос — это **безграничное пространство**. Работа на станциях первого периода освоения будет преимущественно иметь **уникальный характер**, а не конвейерно-монотонный. Жить на орбите придется **маленькими коллективами**, поэтому **универсализм трудовых функций** будет выгоднее узкой специализации. На первых порах станции будут работать **автономно** и из-за удаленности от других станций и дороговизны подвоза запчастей и комплектующих в случае поломок и появления нештатных ситуаций **изворотливость и сметка** будут бесценны.

Далее. Вряд ли удастся обеспечить на первых станциях тот же комфорт существования, что и на Земле. Поэтому лучше всего будут выдерживать длительное пребывание на станциях люди **неприхотливые**. В космических колониях первого поколения имущественные отношения скорее всего будут ближе к **общинным** (например, уравнивающими). Проблема закрепления «наделов» космического пространства или поверхности ближайших планет в частную собственность если и возникнет, то очень и очень не скоро. Следовательно, тяга к приобретательству на первом этапе освоения космоса **будет лишь помехой**, так как она практически не будет удовлетворяться. Комфортнее себя будут чувствовать люди, равнодушные к приобретению материальных ценностей.

И, наконец, вывод передовых технологий в Космос — задача **глобальная**, требующая самоотверженного подвига всей нации. Мало того, задача эта явно мирового уровня, а следовательно, ее решение потребует от России слаженного взаимодействия с другими народами. И поскольку в раздираемом противоречиями мире такого взаимодействия не достигнуть, для выполнения своей специфической национальной задачи Россия обречена на активизацию процесса единения всех народов Земли, обречена на реализацию своей глобальной соборности.

В истории нет места случайностям, она сплошь усеяна знаками Божественного провидения, понять которые, увы, современникам событий дано далеко не сразу. Для России такими знаками были Циолковский и Гагарин. «Из лаптей и сразу в Космос» — так часто оценивают подвиг русского народа, который ценой невероятного напряжения сил и огромных лишений опередил весь западный мир. Если считать, что Россия в будущем должна превратиться в сырьевой придаток мировой экономики, то этот подвиг теряет всякий смысл. Но если верить, что экономический расцвет России связан с освоением Космоса, то он приобретает особое, мистическое значение.

Опираясь на эту версию, русскую идею можно сформулировать следующим образом: **объединить усилия народов мира и сделать первый шаг в космическое будущее человеческой цивилизации**.

Что же необходимо сделать сегодня и завтра, чтобы достигнуть этой стратегической цели? Ближний прогноз в политике, как и в метеорологии, всегда менее

точен, чем дальний. Но отказаться его сделать автор не вправе, ибо без него глобальный прогноз повисает в воздухе и его потенциал существенно ослабнет.

Пока ясно лишь одно — свертывание космических программ правительством Гайдара — стратегическая ошибка. А стратегические ошибки имеют свойство сказываться и на тактике — страна, лишенная исторической устремленности в будущее, начинает топтаться на месте и в настоящем.

3. Тактические приоритеты России

Ранее мы показали, что новым источником благосостояния страны может стать творческий интеллект ее народа. Поскольку ясно, что наиболее эффективным использованием этого ресурса является не простая торговля патентами, а создание на их базе передовых производств, то прежде чем ждать серьезной экономической отдачи от подобной деятельности, следует вступить в сложную систему международного разделения труда. На это уйдет немало времени и валюты. Аналогичные проблемы возникают и при развитии топливно-энергетического комплекса, космической промышленности, решении экологических задач. Не говоря уже о том, что большинство из нас привыкло ходить в импортной одежде и пользоваться импортной электронной техникой. Поэтому вопрос об источниках валюты в ближайшем будущем стоит очень остро.

Несомненно, что наиболее традиционным источником является сырье в различной степени его переработки. На второе место может претендовать, видимо, лишь оружие. На этой проблеме необходимо остановиться подробнее.

Россия обречена быть одной из великих стран уже потому, что она является ядром одной из самых массовых культур мира. Вопрос нашего дня лишь в том, как должно проявляться это величие в ближайшем будущем.

В статье С.П. Хантингтона — профессора государственного управления из США («Нью-Йорк таймс», июль, 6–19, 1993) прогнозируется будущее политическое развитие мира. Идеологическое различие уступает, по его мнению, различию культур. «Мир в значительной степени будет формироваться в результате взаимодействия семи или восьми главных цивилизаций. Это западная, конфуцианская, японская, исламская, индуистская, славяно-православная, латиноамериканская и, возможно, африканская цивилизации. Основные и наиболее кровавые столкновения будут происходить вдоль границ, разделяющих эти культуры. Линии разлома между цивилизациями станут линиями фронта будущего».

Предположим, что прогноз верен. Даже если он неверен в деталях, он верен в принципе: после развала социалистического блока в мире начался сложный процесс перегруппировки сил, и вряд ли опять возникнет примитивная двублочная система.

Даже в этом случае Россия окажется в уникальном геополитическом положении. Сама являясь ядром одной из цивилизаций, она граничит по югу с японской, конфуцианской, индуистской и исламской цивилизациями, а с Запада — с западной. Если смотреть сверху, со стороны Северного полюса, то получается схематичная пятерня, ладонью которой является Россия, а большой палец указывает на Запад. И если все эти границы действительно, не дай Бог, станут фронтами, то положению России не позавидуешь. Надо думать, что уход от такого мрачного будущего, а в конечном итоге — от третьей мировой войны возможен лишь в том случае, если Россия будет проводить очень взвешенную, гибкую, мудрую и (!) миротворческую политику, отличную от политики брежневского периода. Но такую политику сможет проводить только сильная Россия, а не базарное сообщество

из множества слабых удельных княжеств, раздираемое пограничными конфликтами и имущественными спорами.

В любом случае уникальное положение России предопределяет и уникальность ее роли — от того, с какими цивилизациями она будет соединяться в блоки, какие будет поддерживать в первую очередь, будет существенно зависеть степень стабильности мировых политических процессов.

Из всего этого следует очень неожиданный для нашего времени вывод: России необходимо в ближайшем будущем сохранять роль ведущей державы — производителя и продавца оружия.

Обвинения в антигуманности такого вывода могут возникнуть лишь из недалекой позиции или под воздействием пропаганды конкурентов, в первую очередь США. За последний год доля России в мировой торговле оружием сократилась в три раза (!), тогда как доля США выросла в 1,5 раза. И здесь мы видим вторую глобальную ошибку гайдаровского правительства.

Вооружаться и перевооружаться вновь формируемые блоки будут все равно — с Россией или без нее. Однако русское оружие будет обходиться им дешевле, а во-вторых, оно создаст важный политический противовес монополии США. Нет необходимости доказывать, что: любая монополия есть зло для всех. Следовательно, мир от сохранения заметной доли на мировом рынке оружия России как минимум не проиграет. Россия же выигрывает сразу в нескольких планах.

Во-первых, оружие на сегодняшний день — почти единственный конкурентоспособный массовый русский товар на мировом рынке, что обеспечит оперативный приток валюты. Во-вторых, необходимость поддерживать качество оружия на мировом уровне потребует постоянного развития научно-технического потенциала страны. В-третьих, в качестве крупнейшего поставщика оружия России будет гораздо проще выполнять активную миротворческую роль в будущих сложных политических процессах. И в-четвертых, развитие современного ракетного оружия будет помогать и осуществлению стратегической цели России — выходу в космос.

Таким образом, как это ни грустно признавать, но реальность такова, что в ближайшем будущем сырье и оружие будут важными тактическими опорами экономики России, управлять которыми необходимо централизованно.

Еще один важный ресурс, который освоен лишь в мизерном объеме, — это интеллект нации. При определенных условиях именно он может стать главным фактором вывода страны на передовые экономические рубежи.

4. Социально-политическое устройство России, проблема власти

Что бы ни думали о качестве административно-командной системы управления (далее Системы), какие бы изъяны в ней ни находили, необходимо признать, что факт правления ею в России на протяжении столетий свидетельствует о ее исторической необходимости. Главная причина опять же вытекает из географического статуса России. Огромные пространства с очень редкими поселениями, открытые нашествию как с Запада, так и с Востока, плюс к этому — глубинный анархизм русской природы, тяга к целостно-синтетическому восприятию мира — все это вместе создавало внутренние и внешние предпосылки к удержанию Системы у власти.

Ясно, что всеохватность и синтетичность русской природы очень плохо соединяются с фундаментальными основами демократического управления — разделением властей, многопартийным калейдоскопом мнений и установок. Думается, что система выборов западного типа с ее обязательным четырехлетним (или дру-

гим фиксированным) циклом не приживется в России. Автору кажется, что сейчас идет один длительный российский ВЫБОР, который будет сделан на многие годы. А чтобы создать противовес сильной центральной власти, необходимо разработать статус политической оппозиции в стране, которая могла бы в любое время проводить опрос населения (под наблюдением авторитетных международных организаций), на основании которого можно было бы сменить руководство страны.

Важно, чтобы власть в России выполняла синтезирующую, цементирующую основу жизни народа функцию с четко согласованным с ним движением к определенной цели. Здесь не обойтись без духовного и идейного единства власти и народа.

Годится ли на эту роль Система? Посмотрим на последние этапы ее эволюционирования и постараемся дать ответ на этот вопрос. Вопреки множеству распространенных версий Октябрьская революция была переворотом в пользу Системы, которая одним ударом убрала главную помеху к абсолютной власти сверху — престолонаследие и за несколько лет конкурента снизу — свободную буржуазию. Выплов затем на российских просторах все ростки буржуазной жизни, она вернула крестьян в крепостное состояние и, одурачив пролетариат, получила в эпоху сталинского правления АБСОЛЮТНУЮ ВЛАСТЬ над страной. Обманываться репрессиями по отношению к отдельным чиновникам не стоит — Система жертвовала отдельными элементами для укрепления своей власти в целом. Замена же монархической основы на социалистическую лишь упрочила ее власть: до революции вершину пирамиды возглавлял человек для нее случайный — Царь, после революции на вершину власти поднимались лишь ставленники Системы, выбираемые только по ее правилам игры.

Чтобы понять, почему в последние несколько лет власть Системы пошатнулась, необходимо вспомнить о главных внешних и внутренних причинах ее существования.

Поскольку впервые за всю историю России гонка вооружений сделала глобальную войну невозможной, военное напряжение, питавшее Систему снаружи, ослабло, и она потеряла главное обоснование своей необходимости в глазах у народа.

Внутренней опорой Системы в России было ее умение держать в стране относительный порядок и обеспечивать при этом примерное равенство жизни для большинства жителей. Абсолютная величина этого уровня при этом не имела принципиального значения, так как известно, что ощущение человеческого счастья мало зависит от абсолютного богатства. Можно быть счастливым и в нищете — кинофильмы сталинской эпохи это наглядно демонстрируют. Но очень трудно чувствовать себя счастливо, если рядом кто-то живет существенно богаче — будь то человек или целая страна. До тех пор, пока удерживался железный информационный занавес, народ в СССР в большинстве своем считал, что живет лучше всех. Но проникновение видеофильмов, появление спутникового телевидения и экскурсии за рубеж показывали, что социалистическая система проигрывает не только в уровне жизни, но и, самое принципиальное, в уровне организации производства. Из-за этого Система потеряла и внутреннюю опору.

Кроме того, уничтожив всех внутренних противников, Система стала постепенно разлагаться. Ее служители по многим параметрам были элитой общества, и они не могли не видеть, что на Западе труд лучше организован, а быт — на порядки комфортнее. Сладкой жизни захотели в первую очередь сами чиновники. Произошло то, что всегда происходит в замкнутых системах: внешние враги исчезли, внутренние были уничтожены — в результате мышцы у Системы стали дрябнуть, а

мозги разжижаться. Брежневско-черненко́вский финал — точный диагноз болезни всей Системы. Поэтому нельзя не согласиться с Е. Лигачевым, который с трибуны съезда убеждал страну, что перестройку начали коммунисты. Да, почувствовав опасность полного внутреннего разложения, Система вынуждена была начать грандиозную чистку своих рядов. Споткнулась она на запущенности болезни, отсутствии мобилизующей внешней угрозы, но главное — на устаревшей идеологической основе. Последнее — расплата за годы абсолютизма власти и подавления любых попыток развивать идеологический фундамент.

Означает ли это, что Система теперь окончательно ушла в России с исторической арены? Думается, нет. Какие факторы могут вернуть ее к власти?

1. Пограничные конфликты, сопровождающие становление новой геополитической ситуации, в какой-то мере возрождают опасность внешней угрозы.

2. Необходимость осуществления глобальных приоритетных программ, в первую очередь космической, координация в производстве и торговле оружием, сырьем, инвестиции в инновационную программу, возрождение села и т.п. — все требует достаточно сильной центральной власти.

3. Нельзя списывать со счета и инерционные моменты — вековая привычка народа к сильной центральной власти опирается на менталитет нации. Демократический базар наверху уже надоел русскому человеку, который согласился на этот эксперимент только по двум, причинам: во-первых, из-за идеологической смерти коммунистических идеалов, а во-вторых, из-за надежды, что если власть станет подобной западной, то уровень жизни в стране приблизится к мировым стандартам. Последняя надежда доживает остатки дней своих, и Системе достаточно только поднять новый идеологический флаг, чтобы народ добровольно проголосовал за ее правление. Но именно здесь у Системы происходит главная пробуксовка. Ее чрезмерный консерватизм подавил все ростки идеологических обновлений, поэтому сегодня она вынуждена хвататься подряд за все старые идеологические клише, начиная от монархизма, через коммунизм вплоть до буржуазных идеалов; только наивный человек может полагать, что идущие сейчас поиски не контролируются Системой, при этом неважно, какие образом — явным или неявным. Поэтому не стоит сомневаться, что вопрос возврата власти — вопрос времени, и как только Система сможет сформировать истинную национальную идею, опирающуюся не на отрицание, а на созидание нового будущего, она вновь взойдет на вершину власти. Безусловно, что речь идет уже не о старой рафинированной административно-командной Системе сталинского типа с абсолютной властью над всеми процессами в обществе, а о Системе нового типа. Пока ясно лишь одно, что успех формирования новой структуры управления будет существенно зависеть от точного проведения границы между двумя видами собственности: государственной и частной, и от наличия системы противовесов, в том числе и в виде мирового общественного мнения, тесно связанного с процессами интеграции экономики России в систему мирового разделения труда.

Безусловно, что опасения возврата вместе с Системой всех пороков абсолютной власти вполне правомочны. Но, во-первых, политическая картина мира уже не вернется к противостоянию двух идеологий, и новой генерации политиков Системы придется решать на порядок более сложные задачи баланса мирового равновесия. А более сложные задачи будут стимулировать приход к власти личностей с более развитым интеллектом — примитивизм уже не пройдет. Во-вторых, внутри страны Системе придется решать (иначе она потеряет власть) гораздо более сложные и в то же время ограниченные по объему задачи. Соседство с рыночным механизмом товарообмена также наложит вполне определенный отпечаток на ее

облик. Но главное, видимо, не в этом. Если прогноз автора в отношении приоритетности интеллектуального ресурса верен, то Системе придется заботиться о развитии творческого потенциала народа, так как он исторически превратится в скором времени в главный источник богатства государства (в том числе и столь любимых чиновниками валютных поступлений). Последняя задача ставит перед ней проблему фундаментальной переориентации приоритетов деятельности, поворота лицом к живому человеку, что для старой Системы было абсолютно чуждо.

Итак, если Система, вновь придя к власти, не сможет провозгласить понятную народу идеологическую программу, верно определить стратегические и тактические цели для страны, не сможет организовать развитие интеллектуальных ресурсов страны и не сумеет вести мудрую мировую политику, направленную на интеграцию мирового сообщества на паритетной основе, она эту власть потеряет окончательно. Что при этом будет с Россией? Трудно сказать, но скорее всего ситуация станет еще более отвратительной, чем сегодня.

Заключение

Безусловно, если Россия не превратится в огромную рыхлую третьестепенную страну, обеспокоенную лишь решением текущих проблем одного дня, если она мобилизуется и сумеет вывести в космос передовые технологии, откроет там новые источники энергии, это не значит, что она превратится в вечного лидера мирового прогресса, ревностно оберегающего свою национальную самобытность от всякого изменения. Скорее всего опора на национальную самобытность потребует лишь на первом, самом трудном и ответственном, этапе выхода в космос, а в дальнейшем России предстоит тесно вписаться в мировую культуру, как это произошло, например, с Испанией после окончания колонизации других континентов. За первым этапом захвата космического пространства наверняка последует этап его тщательного освоения, и здесь на роль лидеров могут выдвинуться другие культуры.

Кто сейчас может предугадать, что будет с миром через 50–100 лет? Ясно лишь одно: Россия — это гигантская держава со своей далеко не завершенной национальной историей и самобытным ликом. От того, как будут разворачиваться события в этой стране, зависит жизнь не только русского народа, ибо мир уже тесно связан во всех своих процессах. Поэтому, если возобладают эгоистические интересы западной культуры в политике по отношению к России, то искривление естественного пути большой страны может привести к резкому его выпрямлению с перегибом в противоположную сторону. А если внешняя политика по отношению к стране, испытывающей трудности перестройки, будет проводиться в русле естественного ее развития, выигрыш всего мирового сообщества от приобретения нового измерения для развития покроет потери отдельных стран от сужения традиционных рынков сбыта. Помочь России стать на свой собственный путь развития — это помочь и всему мировому сообществу выйти в космос.